

25 сентября мир отмечает столетие со дня рождения Дмитрия Шостаковича

«...К нам едет враг народа!»

Молодой гений.

Ирина Антонова на выставке в Манеже, посвященной столетию мужа.

Счастье быть вдвоем.

Ольга КУЧКИНА

Высочайшие похвалы и унижительная, уничтожающая критика в партийных документах. «К нам едет враг народа», как писала одна киевская газета, бунтовщик в музыке, изгнанный из Московской и Ленинградских консерваторий за «низкий профессиональный уровень», и «композитор номер один». Страх, боязнь ареста, мысли о самоубийстве и стоицизм. Глубочайшие психологические переживания и плоские словословия в адрес партии и правительства. Два инфаркта, странная болезнь мышц, рак. Наворот событий, не хуже древнегреческого. Закрытая, немногословная Ирина Шостакович, жена великого музыканта, согласилась дать интервью нашему обозревателю.

При первом знакомстве я сказала, что вы симпатичная, и вдруг встречаю то же слово в описании Дмитрия Дмитриевича: «Мою жену зовут Ирина Антонова... она очень хорошая, умная, веселая, простая, симпатичная. Носит очки, буквы «л» и «р» не выговаривает...» Еще: «У нее имеется лишь один большой недостаток: ей двадцать семь лет». Недостаток прошел. А какое чувство, что муж - сто лет?

Никакого особенного. Только то, что его нет. А муж бы быть.

«Мне все кажется: они пожалеют меня...»

Живя рядом с ним, вы создавали, что он трагическая фигура?

Я создавала, но кто у нас не трагическая фигура, кого ни возьми, каждый - герой нашего времени.

Есть масштаб личности. Он с нами говорил о том, что переживал?

Иногда что-то, по ходу жизни, а так, чтобы исповедоваться - нет. Он был достаточно замкнутый человек. О себе рассказывать не любил.

А вы не спрашивали...?

Я, наверное, не спрашивала. Один раз спросила, довольно неудачно, насчет вступления в партию. Потому что я была на том собрании в Доме композиторов, где это происходило. Он сказал: если ты меня любишь, никогда об этом не спрашивай, это был шантаж. Мы достаточно тесно жили друг с другом. Он был болен, и его жизнь проходила через меня, я нужна была все время. Собственно, между мужем и женой какие разговоры? Посмотришь - и уже все ясно. По спине даже. По вырванному сплыву.

Вы плакали когда-нибудь в замужестве с ним?

Нет, я не плакала.

Вы вообще не плачете? Нет, думаю, что плачу когда-нибудь. Немцы вот фильм снимали о нем, я стала им рассказывать про «эзопов язык», они не понимают, я стала объяснять, стала вспоминать и поняла, что просто плачу.

Один раз, меня потрясло, когда его с репетиции Тринадцатой симфонии вызвали в ЦК, мы приехали домой, и он бросился в постель и заплакал. Сказал, что его будут заставлять снимать премьеру. Это было на следующий день после известной встречи Хрущева с интеллигенцией. Дмитрий Дмитриевич - знаменитый композитор, а в ЦК все взвешивали, запретить премьеру или разрешить. К моменту, когда он приехал в ЦК, решили, что лучше разрешить. А потом уже запретить.

Он плакал, когда его заставляли вступить в партию. Друг писал, как, придя к нему ранним утром, стал свидетелем тяжелой истерики. Шостакович плакал громко, в голос, повторяя: «Они давно преследуют меня, гоняются за мной...» Друг напомнил, как часто Шостакович говорил, что никогда не вступит в партию, которая творит насилие. В ответ Шостакович заявил о твердом решении не вступать на собрание. «Мне все кажется, что они одумаются, пожалеют меня и оставят в покое». Он, правда, не явился - в назначенный день. Явилась в другой. Читая по бумажке: «Всем, что есть во мне хорошего, я обязан...» - вместо «партии и правительству» драматически выкрикнул: «...моим родителям!»

Главная любовь

Что была ваша первая любовь?

Настоящая - первая.

Сначала он вас полюбил?

Думаю, взаимно. Мы лет пять-шесть были знакомы. Было какое-то влечение.

А как вы познакомились? Я работала литературным редактором в издательстве «Советский композитор», когда там печаталась его оперетта «Москва, Черемушки». Один из авторов либретто сделал по моей просьбе поправки, я пришла согласовать их и передать еще один текст с предложением автора - написать дополнительный номер. Дмитрий Дмитриевич сказал: я больше ничего писать не буду. Прошло много времени. Был пленум композиторов, там играли симфонические миниатюры Кара-Караева, я хотела послушать и просила сослуживца, члена Союза композиторов, провести меня. Он обещал, а потом звонит: иди не могу, попроси Дмитрия Дмитриевича простить. Он провел. Я думала, он пойдет по своим делам, но он прошел со мной в зал, мы сели, и в этот ряд никто больше не сел, что меня поразило, все шло по проходу и смотрели на нас.

Однажды был пустой ряд, когда он подвергся сокрушительному разному, и никто не захотел сесть рядом. Это была другая история.

А как вы познакомились?

Я работала литературным редактором в издательстве «Советский композитор», когда там печаталась его оперетта «Москва, Черемушки». Один из авторов либретто сделал по моей просьбе поправки, я пришла согласовать их и передать еще один текст с предложением автора - написать дополнительный номер. Дмитрий Дмитриевич сказал: я больше ничего писать не буду. Прошло много времени. Был пленум композиторов, там играли симфонические миниатюры Кара-Караева, я хотела послушать и просила сослуживца, члена Союза композиторов, провести меня. Он обещал, а потом звонит: иди не могу, попроси Дмитрия Дмитриевича простить. Он провел. Я думала, он пойдет по своим делам, но он прошел со мной в зал, мы сели, и в этот ряд никто больше не сел, что меня поразило, все шло по проходу и смотрели на нас.

Однажды был пустой ряд, когда он подвергся сокрушительному разному, и никто не захотел сесть рядом. Это была другая история.

Первый раз он собрался жениться совсем юным. На Гане Гивенко, дочери известного филолога, познакомились в Крыму. Мама, с которой Митя был крайне близок, не допускала брака. Не жаловала она и вторую любовь Мити Нину Варзар, дочь известного юриста. Коллебаня Митя были так сильны, что он не пришел на собственную свадьбу. Через полгода помирились и поженились, родились Галя и Максим. Нине он посвятил чувственную музыку «Леди Макбет» («Шостакович, несомненно, главный создатель порнографической музыки в истории оперы», - писала не советская, а американская пресса).

Через три года после смерти Нины Васильевны на каком-то мероприятии он подошел к работнице ЦК комсомола Маргарите Андреевне Кайновой и спросил, не хочет ли она стать его женой. Через пару лет он сбежит от нее. Когда ее укоряли, что у нее всегда гости, а муж музыкант, он должен быть музыкантом, она отвечала: и что, что музыкант, у меня первый муж тоже был музыкант - на баяне играл. «Мою жену зовут Ирина Антонова... Я совершенно счастлива». Это был его третий и последний брак.

Звонил ли вам Сталин?

Судьба. Что-то ведал, он ведь увлекался хиромантией.

Я этого не знаю. Может, до войны. Вообще он был ясный человек.

И при том азартный карточный игрок?

А почему нет? Он мне даже говорил, что в молодости выиграл в преферанс существенную сумму для покупки кооперативной квартиры.

А отношения с алкоголем?

В ранние годы он лечил эти душевные травмы.

Пил умеренно. За ужином рюмку-другую, за обедом.

У вас был открытый дом?

Да, бывало много людей. У нас была очень хорошая домашняя работница Марья Дмитриевна Кожунова. До войны была ее крестная Федосья Федоровна, и уже до конца. Она готовила. Когда в 48-м музыку Дмитрия Дмитриевича перестали играть, в семье совершенно не стало денег, Федосья Федоровна и Марья Дмитриевна собрали все, что заработали в этой жизни, и пришли к Дмитрию Дмитриевичу: возьми, будут деньги - отдашь.

А потом Сталин подарил ему сто тысяч... Но Дмитрий Дмитриевич смешился рассказывая, как он ехал в трамвае, вошел потомок Римского-Корсакова и на весь трамвай закричал: а правда, что Сталин подарил вам сто тысяч, чтобы вы не огорчились? Дмитрий Дмитриевич повернулся и высочил из трамвая на ближайшей остановке. Когда был объявлен конкурс на гимн, в котором приняли участие 40 поэтов и 165 композиторов, Сталин решил, что в финал выйдут пять гимнов: генерала Александрова, руководителя Краснознаменного хора Красной Армии, грузинского композитора Ионы Туския, отдельно Шостаковича и отдельно Хачатуряна и их же - вместе. Это было специальное поручение Сталина, и, судя по всему, шансы имел именно последний гимн. Сталин предложил мелкие поправки, спросил, хватит ли авторам трех месяцев. Шостакович быстро ответил, что и пя-

СКАЗАНО

«Дмитрий Шостакович - гениальный композитор - прошел через жизнь всех нас и оставил глубокий след. Он принес нам много счастья и радости, хотя сила его трагизма часто сокрушала нас». Святослав Рихтер.

Ирина Шостакович (слева) и автор материала Ольга Кучкина.

ти дней довольно. Ответ не понравился Сталину. Он, видимо, считал, что нужен долгий, кропотливый труд. И гимн выбрал генеральский.

алин играл с Шостаковичем в кошки-мышки, так же, как с Булгаковым и Пастернаком. В 49-м вождем понадобилось, чтобы композитор выехал в США в составе группы деятелей культуры. Композитор наотрез отказался. Вождем сам позвонил ему: почему отказываетесь? Услышав ссылку на здоровье, пообещав прислать врача. Тогда Шостакович сказал: что же я поеду, когда моя музыка запрещена? Буквально на следующий день появилось Постановление с выговором Главреплеткому и отменой запрета. По указанию Сталина Шостаковичу предоставлялись новая большая квартира, зимняя дача, автомобиль и деньги в размере 100 000 рублей.

гда, уже после смерти Сталина, Постановление 48-го года было вовсе отменено, Шостакович со свойственным ему нервным юмором позвонил Ростроповичу и Вишневецкой, чтобы или к нему скорее пить водку за «великое историческое постановление» об отмене «великого исторического постановления».

Жизнь на ветру

Зошенко говорил о нем как о человеке глубокого внутреннего конфликта: да, он искренний, открытый, но в то же время жесткий, едкий, умный, сильный, деспотичный, очень противоречивый, но только противоречия и рождают великого художника. Он был сложен в общении?

Для меня нет. С разными людьми он был разным. Что касается внутреннего конфликта - ко мне приходил режиссер: какой, мол, образ Лениградца избрать, чтобы передать характер Дмитрия Дмитриевича. Я бы сказала, что не только Дмитрий Дмитриевич, но все мы жили на ветру, в Ленинграде бьют такие пронизывающие ветры, вроде и не сильные, но очень холодные. Жизнь на ветру и соответственно этому напряжена. Ленинград вообще формирует личность, ленинградская - это определенный тип. Даже Путин - типично ленинградский человек. А Дмитрий Дмитриевич был еще петербургского воспитания, это предполагает вежливость, сдержанность, точность в поведении.

Есть другая версия: что он был как ребенок.

Нет. Он определял нашу жизнь - куда пойдём, куда поедем, что будем делать.

Как он к вам относился? Как к другу, как к младшей?

Как к части самого себя.

То есть был очень близкий союз?

Я думаю, что да. Была такая твердая основа. Фундамент крепкий. Что бы ни случилось, мы знали, что стоим твердо. Надежность во взаимоотношениях. И радостей было много.

Закончил потрясающий Восьмой квартал, он в своей характерной мрачно-ирониче-

ли после войны. Но миллионы, которые пошли на нары или под пулю, - у всех родители, жены, дети, значит, надо умножить на четыре. И когда они возвращались, очень редко могла восстановиться прежняя жизнь. В моем классе благополучных девочек, которые имели папу-маму, отдельную квартиру, нормальную жизнь, было раз-два и обчелся. Между собой мы не говорили об этом, не принято было. Моя однокурсница Лена Шаламова, дочка Варлама Шаламова, жила у тетки в коммунальной квартире. Ее родители вернулись, мать - из одного лагеря, отец - из другого. Они не стали жить вместе, и Лена так и осталась у тетки. И мой отец вернулся, и оказалось, что у него уже есть жена, вольнонаемная медсестра, у которой дочка от первого брака, и он меня не взял - некуда взять, у него было поражение в правах, он не мог жить в больших городах...

Дмитрий Дмитриевич расспрашивал про вашу жизнь? Он знал. В общих чертах. Вокруг самого Шостаковича сжималось кольцо. Когда после изгнания из репертуара оперы «Леди Макбет», балетов «Золотой век», «Болт» и «Светлый ручей» на него наклеили ярлык «врага народа», до физической расправы оставался один шаг. Тест был отправлен в лагерь под Караганду. Аrestован муж старшей сестры Марии барон Вера Фредерикс. Мария выслана в Среднюю Азию.

Адриан Пиотровский, возглавлявший «Ленфильм», вызвал Шостаковича к себе и предложил написать о взаимоотношениях с арестованным маршалом Тухачевским. Дело было в субботу. «Самым страшным было то, и признавался Шостакович, - что надо еще было прожить воскресные».

Яившись в понедельник, он увидел заплаканную секретаршу: Пиотровского взяли. А 13 июня 1937 года в прессе появилось сообщение о расстреле Тухачевского, с которым Шостакович дружил.

Вы себя считаете счастливой женщиной?

Пока он был жив - да, конечно. Очень. Он все брал на себя.

Есть другая версия: что он был как ребенок.

Нет. Он определял нашу жизнь - куда пойдём, куда поедем, что будем делать.

Как он к вам относился? Как к другу, как к младшей?

Как к части самого себя.

То есть был очень близкий союз?

Я думаю, что да. Была такая твердая основа. Фундамент крепкий. Что бы ни случилось, мы знали, что стоим твердо. Надежность во взаимоотношениях. И радостей было много.

Закончил потрясающий Восьмой квартал, он в своей характерной мрачно-ирониче-

ской манере сообщил другу: «...написал никому не нужный и идейно порочный квартет. Я размышлял о том, что если ли когда-нибудь помру, то вряд ли кто напишет произведение, посвященное моей памяти. Поэтому я сам решил написать такое. Можно было бы на обложке так и написать: «Посвящается памяти автора этого квартета»...

думал, что это когда-нибудь исполнит. Во введении к партитуре упомянут Опостылов, под которым выведен один из бессознательных гонителей Шостаковича, музыковед-аппаратчик (сегодня сказали бы: политтехнолог) Павел Апостолов. Музыка и жизнь сходится - как фарс и как драма. 21 июня 1969 года в Малом зале Консерватории - общественное прослушивание необыкновенной Четырнадцатой симфонии. Шостакович, уже очень нездоровый, неожиданно выходит на сцену, чтобы предать исполнение несколькими словами. В том числе цитатой из Островского, прозвучавшей так: «Жизнь дается нам только один раз, а значит, прожить ее нужно честно и достойно во всех отношениях и никогда не делать того, чего пришлось бы стыдиться». Биограф Шостаковича описывает

Официальное посвящение - «Памяти жертв фашизма и войны».

А мне посвящена сюита на стихи Микеланджело. На самом деле это ужасно, когда в последней части - две эпитафии, и одна из них - мне. Это он сидит, живой, теплый человек - и такое пишет (голос дронул).

Он назвал темы сюиты: Мудрость, Любовь, Творчество, Смерть, Бессмертие. Он вам это сыграл?

Сыграл. И посвящение показал.

Как вы прореагировали?

Я поблагодарила.

Я понимаю, а внутри?

Я испугалась (долеяла паузу).

Я думала об одном, редко встречающемся качестве - сарказме в музыке. Откуда это у Шостаковича?

Митя с молодости любил выступать в зрительном зале неожиданно возник шум: бледный как мел человек покинул зал... И когда в последней части прозвучали слова «Всевагдална смерть. Она на страже...», в коридоре Консерватории лежали уже лишь останки человека, который за полчаса до того, собрав последние силы, сумел выйти из зала. Это был Павел Апостолов».

«Как будто нас двое...»

Как уходил Дмитрий Дмитриевич?

Он болел много лет, не могли найти источник болезни. Говорили, что-то вроде хронического полиоми-

елита. Клади в больницу. Пичкали витаминами, заставляли заниматься физкультурой. Полгода пройдет - опять. Слабела правая рука, правая нога. Дмитрий Дмитриевич очень страдал, что не может играть на рояле. Когда на него смотрели, нервничал, двигался хуже. Два инфаркта. Потом рак. Опухоль была в средостении, ее не смогли увидеть. Какое-то время я давала ему лекарство на корнях аконита, посоветовал Солженицын, в Киргизии делали настойку, и я попросила Айтматова привезти. Это не вылечивает, видимо, но останавливает развитие опухоли. Известный рентгенолог Тагер посмотрел томограммы и сказал, что все хорошо, ничего нет, я перестала давать лекарство, а очень скоро врачи собрались и сказали: ах, уже ничего нельзя сделать. Он был дома, потом в больнице. Когда сказали, что все плохо, я попросила выписать нас. Потом ему стало плохо, его опять увезли.

И как вы?

Чего я? Я осталась.

Из воспоминаний друга: «К телефону подошла Ирина Антонова... она говорила со мной как-то откровенно, с мертвым звуком, без интонаций...»

Когда его не стало, я решила, что я, пожалуй, буду жить так, как будто он есть, как будто нас двое, и я должна максимально разбираться, как для него лучше. Лучше в музыке, поскольку это главное для него.

А вы не хотите написать воспоминания?

Не хочу.

Почему?

Он сказал однажды: если будешь писать обо мне воспоминания, с того света будут являться. Кому какое дело, как мы жили. Как сумели, так прожили.

Он вам снится?

Нет. Он говорил, что покойники снятся к перемене погоды. Мне дважды снился один сон, будто я в ленинградской квартире моего детства, за окнами темно, во всех комнатах горит свет, ветер поднимает занавески, и никого нет.

«Как будто нас двое...»

Как уходил Дмитрий Дмитриевич?

Он болел много лет, не могли найти источник болезни. Говорили, что-то вроде хронического полиоми-

елита. Клади в больницу. Пичкали витаминами, заставляли заниматься физкультурой. Полгода пройдет - опять. Слабела правая рука, правая нога. Дмитрий Дмитриевич очень страдал, что не может играть на рояле. Когда на него смотрели, нервничал, двигался хуже. Два инфаркта. Потом рак. Опухоль была в средостении, ее не смогли увидеть. Какое-то время я давала ему лекарство на корнях аконита, посоветовал Солженицын, в Киргизии делали настойку, и я попросила Айтматова привезти. Это не вылечивает, видимо, но останавливает развитие опухоли. Известный рентгенолог Тагер посмотрел томограммы и сказал, что все хорошо, ничего нет, я перестала давать лекарство, а очень скоро врачи собрались и сказали: ах, уже ничего нельзя сделать. Он был дома, потом в больнице. Когда сказали, что все плохо, я попросила выписать нас. Потом ему стало плохо, его опять увезли.

И как вы?

Чего я? Я осталась.

Из воспоминаний друга: «К телефону подошла Ирина Антонова... она говорила со мной как-то откровенно, с мертвым звуком, без интонаций...»

Когда его не стало, я решила, что я, пожалуй, буду жить так, как будто он есть, как будто нас двое, и я должна максимально разбираться, как для него лучше. Лучше в музыке, поскольку это главное для него.

А вы не хотите написать воспоминания?

Не хочу.

Почему?

Он сказал однажды: если будешь писать обо мне воспоминания, с того света будут являться. Кому какое дело, как мы жили. Как сумели, так прожили.

Он вам снится?

Нет. Он говорил, что покойники снятся к перемене погоды. Мне дважды снился один сон, будто я в ленинградской квартире моего детства, за окнами темно, во всех комнатах горит свет, ветер поднимает занавески, и никого нет.

«Как будто нас двое...»

Как уходил Дмитрий Дмитриевич?

Он болел много лет, не могли найти источник болезни. Говорили, что-то вроде хронического полиоми-

елита. Клади в больницу. Пичкали витаминами, заставляли заниматься физкультурой. Полгода пройдет - опять. Слабела правая рука, правая нога. Дмитрий Дмитриевич очень страдал, что не может играть на рояле. Когда на него смотрели, нервничал, двигался хуже. Два инфаркта. Потом рак. Опухоль была в средостении, ее не смогли увидеть. Какое-то время я давала ему лекарство на корнях аконита, посоветовал Солженицын, в Киргизии делали настойку, и я попросила Айтматова привезти. Это не вылечивает, видимо, но останавливает развитие опухоли. Известный рентгенолог Тагер посмотрел томограммы и сказал, что все хорошо, ничего нет, я перестала давать лекарство, а очень скоро врачи собрались и сказали: ах, уже ничего нельзя сделать. Он был дома, потом в больнице. Когда сказали, что все плохо, я попросила выписать нас. Потом ему стало плохо, его опять увезли.

Фото В. АХЛОНОВА, И. ШЕВЕЛОВА и автора.

Шостакович Дмитрий (к 100-летию со дня рождения)